

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	6
Глава 1. Зинаида	12
Глава 2. Мы живем, под собою не чуя страны	35
Глава 3. Война	51
Глава 4. Учеба	66
Глава 5. Найти и тут же потерять	88
Глава 6. Большой театр	101
Глава 7. КГБ в императорском театре	107
Глава 8. Суженый	118
Глава 9. Страсти-мордасти	130
Глава 10. Шостакович	153
Глава 11. Песни и пляски смерти	167
Глава 12. Америка	188
Эпилог	214
Примечания	235

... Это небеса поют голосом Вишневской.

О'Санчес

ПРОЛОГ

Шел 1974 год, в аэропорту Шереметьево вокруг отъезжающего Ростроповича собрались его семья, друзья, ученики... Великий музыкант уезжал с разрешения властей в совершенно официальную двухгодичную командировку, но в то, что он когда-либо вернется, никто не верил. На самом деле вместе с ним должны были лететь жена Галина и две их дочери, Ольга¹ и Елена², но те решили немного задержаться: Ольга собиралась поступать в консерваторию, и Галина решила, что если дочка будет зачислена на курс, после можно будет пойти в деканат и взять длительный академический отпуск. Мало ли, как сложится эта поездка, что может произойти на чужбине с ними, могут и аварию подстроить — сколько таких случаев, а так по крайней мере девочка будет уже пристроена. Обстановка нервная, никто даже не думает шутить, какие там шутки. Да и Галина уже понимает: нужно было сразу всем уезжать, пока царь-государь генсек Брежнев дал отмашку приподнять ради них железный занавес. Пока милостивец соизволил разрешить. А что, коли сейчас он выпустит Ростроповича за границу, а ее с девчонками оставит здесь заложницами?

«Вокруг вертелись какие-то подозрительные типы в штатском, — рассказывает в своей книге Галина Вишневская. — Проводы были как похороны — все молча стоят и ждут. Время тянулось бесконечно... Вдруг Слава схва-

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. 1965 г.
*«Время было страшное, и нравственно выживали те,
в ком не был побежден дух».*
(Галина Вишневская)

тил меня за руку, глаза — полные слез, и потащил в таможенный зал.

— Не могу больше быть с ними, смотрят на меня как на покойника...»³

Не прощаясь уже ни с кем, Мстислав Леопольдович исчез за дверь. Галина повернулась, позвала собаку (вместе с Ростроповичем должен был лететь их шикарный ньюфаундленд Кузя), но тот вдруг, должно быть, прочувствовав сложность момента, отказался эмигрировать, разлегшись прямо на каменном полу и всем своим наглым аристократическим видом демонстрируя несогласие с решением хозяев. Ну что ты будешь с таким делать? Не на руках же девяносто килограммов нести?

Толпа расступилась, и прима Большого театра Галина Вишневская, подобрав подол дорогого платья, легла на полу рядом со своим псом, глядя того и тихо шепча на ушко, что сейчас он войдет в самолет вместе с хозяином, а через несколько месяцев она с девочками прилетит к ним. Что его никому не отдадут и, упаси боже, не бросят.

На самом деле в этой истории, наверное, больше всех пострадал все же недоверчивый Кузя, которого сразу же по прибытию забрали у хозяина и на целых полгода поместили за решетку в карантин. Мстислав Леопольдович все эти полгода навещал любимого пса, всячески утешая его.

Таможенник попросил Галину открыть чемодан, другой, деловито роясь в карманах Ростроповича, достал бумажник, вытащил из специального отделения написанные женой записочки, принялся читать. Мстислав хранил все письма, полученные от супруги, как величайшую драгоценность, всегда носил в нагрудном кармане у сердца; теперь в них бесцеремонно копался чужой человек.

«— Это что за коробки, почему так много?

— Мои награды».

Одну за другой таможенник открывал коробки с медалями и орденами: от Лондонского Королевского общества, от Лондонской филармонии, золотая медаль от Израиля, еще и еще золотые именные медали, иностранные ордена... отечественные: Государственной и Ленинской премии, медаль «За освоение целинных земель» и медаль «800 лет Москвы», что дали тогда всем москвичам.

С собой разрешили взять только две последние, а остальное нет. Это золото! Драгметаллы запрещены к вывозу.

«Славу всего затрясло:

— Золото? Это не золото, это моя кровь и жизнь, это мое искусство!.. Я зарабатывал честь и славу своей стране... А для вас это золото. Какое вы имеете право!..»

«— Закрой рот, и чтобы я не слышала больше ни одного слова, — Галина метнулась между мужем и таможенником, смотря на Ростроповича горящими глазами. — Вспомни, что двое твоих детей стоят вон там, и я здесь остаюсь. Ты понял, что ты делаешь? Успокойся... Сейчас ты сядешь в самолет... закроешь глаза и откроешь их, когда будешь в Лондоне. И ты увидишь совсем другие лица».

Когда через несколько месяцев Галина Павловна, распрощавшись с друзьями и в последний раз посетив дорогие могилы, отправится вслед за мужем, она оставит квартиру в Москве и дачу в Жуковке, не продав оттуда ни од-

ного стула. С собой она повезет только вещи для себя и девочек.

Сколько раз до этого дня Галина Вишневская и Мстислав Ростропович ездили в творческие командировки, и никогда ничего подобного. Тут, должно быть, правительство действительно распрощалось с самой идеей вернуть через два года великого музыканта в Советский Союз. Иначе к чему такие унижения?

С другой стороны, как объяснить представителям таможи, отчего уезжающий всего на два года человек берет с собой все свои награды? Таможенники ведь на официальных приемах не бывают, откуда им знать, что некоторые из них Ростропович обязан представить перед высокой публикой, имея на груди тот или иной знак отличия.

Вытащив из чемодана мужнины пижамные штаны, Галина завязала в них все коробки с орденами и медалями и, перебросив узел через плечо, направилась к толпе провожающих.

«— Галина Павловна, что это у вас?

— Награды Ростроповича несु обратно. Из Советского Союза можно вывозить ордена и медали, только сделанные из натурального дерьма».

После отъезда Ростроповича Галина Павловна пела в опере «Игрок», но, согласно последним веяниям, газеты либо не печатали рецензий на ее спектакли вовсе, либо, ставя в номер публикацию, забывали упоминать имя примы. В канцелярии театра был вывешен приказ об отъезде Вишневской за границу, это не могло не радовать ее дублерш, которые теперь наконец-то получали возможность раскрыть свой талант. Вишневская — еще та конкуренция, лучшая из лучших, такую

не то что трактором, танком с места не сдвинешь, и вот вдруг она совершенно добровольно уезжает на целых два года! Да за два года еще неизвестно, что может приключиться. Как говорится, либо ишак помрет, либо султан, либо я сам. За два года много чего наворотить можно. В общем, народ с замиранием сердца ждал, когда же царица оперы отбудет, наконец, в свое вожаделенное зарубежье.

ЗИНАИДА

...Брак истинный только тот, который освещает любовь.

А.Н. Толстой

Последние дни в Советском Союзе Вишневская посвятила воспоминаниям. В полном одиночестве посетила она дорогие ей могилы своей учительницы Гариной⁴, дирижера Покровского⁵, Прокофьева⁶, Мелик-Пашаева⁷, съездила на дачу к Шостаковичу⁸, где в последний раз обняла гениального композитора, в последний раз посетила Большой театр. Побродила по его коридорам, посидела в гримерке, постояла на сцене, которой отдала двадцать лет своей жизни.

Она вспоминала все: сиротское детство в довоенном Кронштадте, суровые годы блокады, выступления на кораблях и в землянках. Перед глазами живыми картинами проплывали все ее спектакли, так, словно она их снова проигрывала один за другим, один за другим... вся ее жизнь... да и не только ее. Внезапно подумалось, что она умирает — говорят же, что перед смертью человек видит всю свою жизнь.

Неожиданно перед внутренним взором появилась мать Галины⁹, такой, какой она была когда-то давным-давно, когда Галя была еще крохой, и родители ненадолго взяли ее от бабушки с дедушкой. А может, и еще раньше, еще моложе, такой, какой она могла видеть мать разве что на старых фотографиях.

Зинаида Антоновна Иванова –
мать Галины Вишневской

Появилась, улыбнулась, подмигнула. Вот она какая я, девица-красавица. Ну, что стоишь, глазами лупишь, рассказывай обо мне.

Зинаида была видной девицей, с золотистыми косами в руку толщиной каждая. Как у русалки — распустишь, расчешешь частым гребнем, покроют они семнадцатилетнюю красавицу изысканным царским покрывалом. Большие черные глаза — настоящие цыганские, с той самой колдовской поволокой и густыми чернушими ресницами, казалось, могли свести с ума любого. Как говорили в старину, на семерых такой красоты отмерялось, а ей одной досталось. К добру ли? К худу? Как знать.

Впрочем, если бы природа раздавала свои дары менее эмоционально и более разумно, она, без сомнения, обратила бы свой материнский взор на красивую Зинаиду и подарила бы ей немного удачи.

Хотя поначалу окружающим как раз казалось, что Зина и парня выбрала себе под стать, такого же видного да красивого. Зинаида от той неземной любви расцвела еще больше, когда же девушка поняла, что беременна, и живот начал заметно округляться, любимого и след простыл. То ли бросил влюбленную девчонку, то ли был убит в пьяной драке, история не сохранила для нас даже имени героя романа цыганки Зинаиды. А вот ребенок во чреве остался, и теперь Зинаиде срочно нужно было что-то делать.

Конечно, живи она, как ее предки, в таборе, там бы ребятенка не обидели. Но Зина была крещеной и жила среди обычных людей, которые не любят матерей-одиночки до конца века станут дразнить невинного ребенка мерзким словом «безотцовщина». И если гордая Зинаида могла стерпеть такую участь для себя, она была готова костями лечь, лишь бы только не дать в обиду любимого ребенка.

Поэтому, обеда мужчин, находящихся на стройке, где она работала по комсомольской путевке, своим знаменитым цыганским колдовским взором, она вдруг встретилась глазами с взглядом, который просил, молил ее если не о любви, то хотя бы о сострадании.

Комсомольский вожак, двадцатилетний Павка¹⁰ был по всем статьям завидным женихом. Из тех, о ком говорят — первый парень на деревне. И именно он, по идее, должен был прорабатывать беспутную Зинку на собрании, клеймя ее позором. И надо же, именно он Павел Андреевич Иванов, смотрел теперь на беременную Зинаиду, пожирая ее влюбленными глазами.

«Вот за него и выйду», — шевельнулось в голове Зинаиды. И она тоже улыбнулась Павлу.

Свадьба получилась бедная, да лучше бы ее и вовсе не было. Все ведь знали, от кого у Зинки ребенок. Тем не менее, Павка хорохорился и будущую жену в обиду не давал. Забрал ее уже на сносях со стройки и привез в Кронштадт к родителям. Здесь тоже скрыть все и взять чужой грех на душу не получилось. Слишком большой срок. Да и сама Зинаида отроду не являлась образцом кротости, могла и обругать новых родственников, да и о своем ребенке говорила почти что открыто.

Родив мальчика, она сделалась самой заботливой матерью, должно быть, ребенок напоминал ей ее единственную любовь, человека, которого она навсегда потеряла. На какое-то время она даже стала нежна с Павлом, честно пытаясь в него влюбиться. Но уж очень странный муж попался цыганке Зине, любившей шумные общества, песни, пляски до рассвета. Павел — комсомолец по призванию. В пьяном виде он произносил лозунги, не запинаясь, и наизусть взалхлеб цити-

длительную командировку. Зинаида отправилась с ним, забрав с собой сына.

В результате, бабушка, делать нечего, стала выкармливать малютку козьим молоком да нажеванным хлебом. Жили они в коммунальной квартире, которую до революции занимал какой-то адмирал с семьей. В огромной просторной кухне стояла массивная плита с духовкой, в которую мог войти целый баран. Вот как раз в эту еще теплую после готовки духовку, точно ведьма маленького Жихарку, клала бабушка свою внучку отогреваться. За черные волосы да пронзительный голос девочку называли Галочкой.

Любовь и забота сделали свое дело, Галя быстро хороше-ла, и неудивительно, что вскоре родители все же забрали дочь к себе. Правда, как оказалось, ненадолго. На один год.

Зинаида к тому времени уже научилась принимать у себя любовников таким образом, чтобы муж их не заставлял. Тот, конечно, узнавал от соседей и бросался с кулаками на жену. Галя самоотверженно защищала мать, путаясь под ногами у пьяного родителя или пытаясь закрыть собой беспутную Зинаиду. Однажды отец, схватив девочку за шиворот, потребовал отчета: «Кто здесь без меня был?».

Через всю жизнь Галина пронесла два простых правила, как жить по совести: «Не воровать и не предавать». Поэтому она врала, смело глядя в красное от выпитой водки, потное лицо родителя: «Никого не было. Никто не приходил». Отец замахнулся топором: «Говори, паскуда, цыганское отродье. Убью!». Галя стояла на своем, понимая, что лучше умрет, чем станет предателем. Наконец отец бросил топор и, шатаясь, ушел из дома.

Галя думала, что мама будет ей благодарна, но та вскоре нашла предлог отправить свою защитницу обратно к бабуле. Должно быть, не поверила, что нелюбимая дочь и впредь ста-

нет рисковать жизнью ради нее, а может, стало совестно, что нелюбимая.

Вот так в возрасте пяти лет Галя вернулась в адмиральскую квартиру. Сурово исподлобья посмотрела на встречающую ее с распростертыми объятиями бабушку, не удостоила взглядом дядю Андрея (младшего брата отца)¹¹. Ни с кем не поздоровалась и, как арестантка в камеру, картинно заложив руки за спину, отправилась, куда ее конвоировали.

«— Ну, чего надулась, как бык вологодский? Здравствуй!..

А я молчу, не подхожу.

— Эх, цыганское отродье, матушкина порода...»

Галя чувствовала унижение, ее, точно ненужную вещь, взяли и передали с рук на руки. Решила, что если все время будет хмуриться да кукситься, бабушка пожалуется папе, и тот заберет ее домой. Какое там. У Павла шла серьезная, требующая всего его времени партийная работа, Галя не знала, но как раз в это время родители ее наконец-то развелись, и теперь отец жил совсем с другой женщиной, которой были не нужны чужие дети.

Зинаида играла на гитаре и распевала цыганские песни, которые быстро выучила и Галина, повторяя за матерью: «... Очи черные», «Бирюзовые колечки» или городские романсы. «Бывало, соберутся гости, и тут же: «Галя, спой!». В таких случаях я почему-то залезала под стол. Публики я совершенно не боялась — наоборот, очень рано почувствовала в ней потребность: петь для себя самой было неинтересно, нужны были сопереживатели, сочувствующие. Но, вероятно, мне хотелось особой, таинственной атмосферы, хотелось уйти от реально-

Галина с матерью и братом. 1930 г.